

УДК 94(47).084» 1922/1923»:322:28
EDN UVITDK
DOI 10.24412/2073-7475-2026-3-14-26

Конструирова «советский ислам»: неизвестные материалы о деятельности Комиссии по изучению мусульманских течений среди мусульманского духовенства Наркомнаца РСФСР 1922-1923 гг.

Ю. Н. Гусева,
Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

И. А. Османова,
Государственный
музей истории религии,
г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Constructing "Soviet Islam": materials on the activities of the Commission for the Study of Muslim Currents among Muslim Clergy of the People's Commissariat of the RSFSR, 1922-1923

Yu. N. Guseva,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation

I. A. Osmanova,
The State Museum
of the History of Religion,
Saint-Petersburg, Russian Federation

Аннотация

Публикация вводит в научный оборот ранее не известные архивные документы 1922-1923 гг. из фондов Государственного архива Российской Федерации, отражающие отдельные аспекты работы Комиссии по изучению мусульманских течений среди мусульманского духовенства в структуре Наркомата по делам национальностей РСФСР. Она сопровождается вводной статьей, в которой, в русле конструктивистского подхода, освещается сюжет интеллектуальной преемственности языка описания ислама позднеимперского и раннесоветского периодов. Публикуемые, анализируемые документы фиксируют первые попытки категоризации советского «мусульманского» поля, предпринятые «коммунистами-мусульманами». Они представляли собой дихотомичные конструкции, которые очерчивали поле «хорошего» и «плохого» ислама, отделяя «реакционную» часть от «прогрессивной»; отделяя мейнстримные воззрения большинства от специфических суфийских практик. Делается вывод о том, что процесс классифицирования мусульманского духовенства, опиравшийся на мировоззренческие основания большевистской идеологии, произрастал из критических идей представителей мусульманского реформизма начала XX в. Заключается, что позднейшая, хрущевско-брежневская, тактика вовлечения в процесс делегитимации «несистемных» явлений самими мусульманами, кооптированными в систему властных отношений, уходит своими корнями в раннебольшевистскую эпоху.

Abstract

The article introduces previously unknown archival documents from the State Archive of the Russian Federation (1922-1923), shedding light on the activities of the Commission for the Study of Muslim Currents within the Muslim clergy under the People's Commissariat for Nationalities. The introductory section employs a constructivist approach to examine the intellectual continuity in the language used

to describe Islam during the late imperial and early Soviet periods. The published and analyzed documents reveal the first attempts by Muslim communists to categorize the Soviet 'Muslim' field. These efforts were based on dichotomous constructions that distinguished between 'good' and 'bad' Islam, separating the 'reactionary' from the 'progressive', and distinguishing mainstream views from specific Sufi practices. The article concludes that the process of classifying the Muslim clergy, grounded in the worldview of Bolshevik ideology, originated from the critical ideas of early 20th-century Muslim reformists. It is further argued that the later Soviet tactic of involving co-opted Muslims in delegitimizing 'non-systemic' phenomena has its roots in the early Bolshevik era.

Ключевые слова

Советский ислам, ислам в СССР, Султан-Галиев, Наркомнац РСФСР, мусульманские «секты», советские мусульмане, советское востоковедение.

Keywords

'Soviet' Islam, Islam in the USSR, Sultan-Galiev, People's Commissariat of the RSFSR, Muslim "sects", "Soviet" Muslims, Soviet Oriental Studies.

Современный этап осмысления исламской ортодоксии и ортопраксии советской эпохи интересен двумя важными установками – стремлением переосмыслить Советский Союз как специфическое религиозное пространство и попыткой анализа интеллектуальной генеалогии мировоззренческих, социальных установок советских граждан-носителей религиозных убеждений.

Современный когнитивный поворот в социальных науках подразумевает, что социальные явления – это коллективные представления, создающиеся и поддерживаемые в ходе взаимодействия между людьми, которые воспроизводятся за счет институционализации, рутинизации и социализации, в итоге формируя для индивидов специфическую реальность¹. Сторонники конструктивистского подхода в рамках когнитивного поворота традиционно обращают особое внимание на «процессы классифицирования и категоризации – формального и неформального; категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное сопоставление и социальное объяснение; схемы, скрипты и культурные модели, которые позволяют воспринимать, испытывать или интерпретировать ситуации и последовательности действий...»².

Как убедительно показали Джули Макбрайен и Виктория Смолкин, религия в СССР была де-факто сконструирована в диалоге религиозных организаций и государства. Последнее отводило религии и религиозным организациям определенное место в советской модернистской модели, допускало существование ее в строго определенных рамках и формах. Чиновники и антирелигиозные активисты, а также региональные и национальные элиты, фактически занимались переопределением религии³.

В свою очередь, исследования советской мусульманской религиозности демонстрируют, как языки и институты ислама применялись для адаптации и сопротивления советских верующих советской модернизации, как чиновники из Совета по делам религиозных культов вместе с духовными управлениями мусульман и научным сообществом выработали общий дискурс административного языка ислама, служащего для перевода исламских терминов на русский язык⁴.

Поиск истоков сближения мусульманских реформистских и фундаменталистских интеллектуальных поисков с модернизационными подходами советской идеологии приводит специалистов к изучению влияния интеллектуального наследия мусульманского реформизма конца XIX – начала XX вв. на процесс трансформации исламской традиции в довоенный и послевоенный период⁵.

Данная публикация призвана подсветить сюжет интеллектуальной преемственности языка описания ислама позднеимперского и раннесоветского периодов. Предлагаемые документы фиксируют появление первых конструкторов описания советского «мусульманского» поля, сделанных «коммунистами-мусульманами» и их сторонниками. Мы видим первые попытки категоризации и классификации советского ислама на «плохой» и «хороший» усилиями не только «красной» профессуры, советских ученых⁶ и сотрудников советских спецслужб⁷, но и «коммунистов-мусульман». Общеизвестно, что на коротком историческом промежутке именно они были востребованы новой властью.

Опираясь на конструктивистскую рамку, мы характеризуем категории, которыми оперировали «коммунисты-мусульмане» с целью выстраивания антирелигиозной работы среди мусульман. Наша задача – выяснить, по каким объективными и субъективным критериям выделялись различные течения среди мусульманского духовенства советскими чиновниками высшего звена, вышедшими из мусульманской среды. Проще говоря: кто именно включался в эту категорию и почему? По каким линиям шло отделение «агнцев» от «козлищ» и что им приписывалось?

Важно, как определялись границы запретного и допустимого теми институтами, которые имели потенциальную возможность установить внешние процедуры контроля над антирелигиозными дискурсивными практиками. Одному институту такого рода – Комиссии по изучению различных религиозных течений среди мусульманского духовенства (далее – Комиссия) при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) – посвящена данная статья. О факте ее существования и деятельности практически ничего не было известно.

Публикуемые, ранее не вводившиеся в научный оборот, архивные документы отражают отдельные аспекты деятельности Комиссии, существовавшей в 1922–1923 гг. Ей не суждено было развернуть свою работу на полную мощь: в июне 1923 г., после ареста ее идейного вдохновителя М. Султан-Галиева, она прекратила свое существование.

Главой Комиссии являлся видный деятель татарского коммунистического движения, основоположник идей «мусульманского национального коммунизма» Мирсайд Султан-Галиев⁸. В ее составе находились А. Т. Гисматуллин⁹, У. Дж. Алие¹⁰, а также Гимадиев, Певширванов и Тагиров (увы, пока нами не идентифицированы). В ее работе принимал участие будущий известный дипломат Н. Тюрякулов¹¹. Секретарями являлись Ш. Дивеев¹² (1922) и М.-А. А. Мусаев¹³ (с марта 1923 г.). Как показывает анализ биографий, большинство членов Комиссии были хорошо подготовленные, знающие «восточные» языки и среду специалисты. Часть из них имела партийные билеты, другие были приглашены как грамотные члены Наркомнаца, имеющие высокий уровень экспертности.

Целью Комиссии обозначался сбор, систематизация и теоретическая обработка различных письменных материалов, касающихся деятельности мусульманского духовенства для разработки методов антирелигиозной борьбы. В планах работы Комиссии значилось: выявление архивных материалов в России дореволюционного периода в Петрограде, Казани, Уфе, Москве, Тифлисе, Симферополе, Ташкенте, Оренбурге и Баку. Предполагалось, что члены Комиссии смогут обращаться за помощью к коммунистам – выходцам из национальной среды на местах с тем, чтобы они собирали материалы, способные раскрыть причины и тенденции развития национально-религиозных движений в мусульманской среде. Полученные Москвой первичные материалы предполагалось систематизировать для составления теоретических и практических рекомендаций партийным работникам в регионах для решения «деликатных восточных проблем», ведения антиисламской работы.

Четыре из дошедших до нас протокола заседаний обозначают контуры работы: протокол № 1 (начало 1923 г.), в котором ставились цели и задачи работы (документ 2); протокол № 2 от 16 февраля 1923 г. содержит материалы о разрешении преподавания мусульманского вероучения детям; о выдаче поручений и мандатов членам комиссии для реализации целей и задач комиссии, ссылку на утверждение текста циркулярного письма обкомам и губкомам (документ 1); протокол № 3 от 2 марта 1923 г. отразил результаты обсуждения вопроса о разрешении паломничества мусульман, о возможности проведения комсомольского праздника (айда) среди сельских и городских мусульман. Наконец, протокол № 4 от 9 марта 1923 г. зафиксировал сообщение Гисматуллина о результатах совещания НКВД о паломничестве, повторно – вопрос о разрешении вероучения и доклад Тюрякулова о туркестанском духовенстве¹⁴.

Вводимые в научный оборот архивные материалы представляют собой машинописные копии плана работ 1922 г. и циркулярное письмо Обкомам и губкомам, подготовленное в начале 1923 г. Последнее принадлежало перу Гисматуллина и впоследствии претерпело стилистическую правку Султан-Галиева (в документе имеется правка чернилами). Материалы хранятся в фонде Р-1318 («Наркомнац РСФСР. Представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и областях и их представительства при Наркомнаце РСФСР») Государственного архива Российской Федерации.

Как выглядела попытка разработки нового языка для описания социальной реальности, для обозначения «угрожающих», «противостоящих» большевистскому проекту «течений» среди мусульманского духовенства? Циркулярное письмо (документ 1) указывает на опасность, исходящую от: «старых сторонников» шариата, ишанизма¹⁵, «увайсизма (Божий полк)»¹⁶, «день-магишатчины»¹⁷ и сыратул-мустахимщины¹⁸. Перефразируя, в категории «ненадежных» попадали: сторонники консервативной части мусульманского духовенства, нередко приверженной традиционалистским, монархическим идеям; последователи ишанов как носителей суфийских или псевдосуфийских традиций, а также сторонники движения Багаутдина Ваисова. В докладе Н. Тюрякулова о туркестанских улемах говорится, что «по идеологическому мировоззрению» они подразделяются на: «исляхчи (реформаторы) и сторонники “Дин ва Магишат” (реакционная часть)»¹⁹.

Этим категориям противостояли те, кто называл себя «мусульманским пролетариатом», «коммунистами-мусульманами»²⁰. Как показывает анализ кадрового состава Комиссии на данном историческом этапе с ними солидаризировались и беспартийные, и эсеры. В общем те, кто не видел перспективы в удержании традиционных социальных порядков.

Сравнивая языки описания Комиссии с лексикой делегатов I и II Всероссийских съездов коммунистических организаций Востока, максимально идейно близких тогдашнему большевистскому дискурсу, отметим слабую нюансированность сюжетов и категорий, которыми оперировали коммунисты на съездах. В прениях делегаты упоминали широко распространенную дихотомию, основанную на марксистском подходе: «мусульмане-буржуа» вместе с «мусульманами-националистами», «мусульманскими шовинистами-националистами», которые опираются на «панисламизм», «панмонголизм», «национализм», противостоят пролетариату «восточных окраин» и «мусульманских» регионов Советской России²¹. Единожды встречается определение оппонирующих религиозных групп – «красные» и «белые» муллы²².

Принципиальных новаций по сравнению с тем, как оценивались процессы среди улемов в позднеимперский период и в начале 1920-х гг., мы не видим. Никуда не уходит закрепившееся в дореволюционную эпоху разделение на «прогрессистскую» (джадиды) и «консервативную» (кадимисты) части. Общеизвестно, что в ранний советский период интересы между большевиками и мусульманскими реформаторами совпадали по широкому кругу вопросов культурно-мировоззренческого характера, потому нет ничего удивительного и в том, что допущенные до высших ступеней управления «коммунисты-мусульмане» и их сторонники воспроизводили богословский реформистский дискурс начала XX в. Последний, в частности, обрушивался с критикой на суфийские практики, ишанов и движение ваисовцев, имевшее весьма специфическую репутацию среди мусульман Волго-Уральского региона.

Часть этих религиозных практик весьма скоро, уже во второй половине 1920-х гг., будет отнесена к «сектантским», хотя в названии Комиссии не содержится понятие «секты», оно фигурирует в делопроизводстве. Хорошо известно, что впоследствии часть представителей советской академии также предлагала рассматривать суфизм и ишанизм как разновидности «мусульманского сектантства»²³. Это находило отклик у сторонников реформирования ислама, ранее подвергавших публичной обструкции традиционалистов, ишанизм, ишанов, ваисовство за их «ретроградную» сущность.

Интересно то, что столкновение «реакционеров» с «обновленцами» или «прогрессивными» муллами и закрепление этой, двухчастной, формулы в отношении духовенства будет взято на вооружение Восточным отделом ОГПУ. Оно будет иметь прямые параллели с действиями спецслужб по проектированию «обновленчества» внутри Русской православной церкви и манипулированию этим, «прогрессивным», крылом.

Обособление ишанов и ваисовцев как специфических «сектантов», требующих особого внимания, присутствует и в документах Восточного отдела ОГПУ и его волго-уральских подразделений начала-середины 1920-х гг. Однако затруднительно утверждать, что на это конструирование повлияла позиция Комиссии.

Отметим также, что в академическом и бюрократическом дискурсах понятие «мусульманские секты» окончательно закрепится позднее, во второй половине 1920-х гг., когда градус антирелигиозной борьбы будет неуклонно повышаться. Тогда же немейнстримные, на взгляд наблюдателей, религиозные течения в исламе можно будет объединить между собой в единую категорию «мусульманских сект». Стремление выявить общие корни подобных явлений в исламе обнаружится в материалах Восточного отдела ОГПУ, сотрудники которого с готовностью масштабировали угрозы, исходящие от «мусульманской контрреволюции», обнаруживая устойчивые связи между разными группами мусульманского духовенства²⁴. К примеру, сотрудник Татарского ГПУ, будущий известный советский разведчик П. М. Журавлев (1898-1956) в материале 1922 г. писал о духовной связи основателя «секты» ваисовцев – Багаутдина Ваисова – с представителями бабидского (бехаистского) движения²⁵.

Во второй половине 1920-х гг. будет заметно стремление отчасти отождествить «мусульманские секты» с христианскими, выявив их общую, «контрреволюционную», сущность, сводимую к реакционным проявлениям классовой борьбы²⁶. Без сомнений, понятие «мусульманских сект» будет калькировать работы православных миссионеров и бюрократии дореволюционной эпохи²⁷.

То, что впоследствии, во второй половине 1920-х-1930-е гг., будет артикулировано чиновниками и учеными как «мусульманское сектантство», как нелегитимные формы религиозной жизни, будет мыслиться по аналогии с христианской традицией, что лишний раз доказывает, что процесс «перепределения» религий в СССР опирался на понимание православной модели как нормативной.

Чем же отмечен начальный этап выработки «коммунистического» языка, на котором можно было рассуждать об исламе и мусульманах? В процесс отделения «плохого» ислама от «хорошего», его деконструкции на «прогрессивную» и «реакционную» части были вовлечены «мусульмане-коммунисты», которые, несмотря на приверженность новым взглядам, не могли выйти за привычные мыслительные рамки. Предлагаемые категории представляли собой дихотомичные конструкции, которые очерчивали поле «хорошего» и «плохого» ислама, отделяя «реакционную» часть от «прогрессивной»; «очищая» «мейнстримные» воззрения большинства от «специфических» суфийских идей и практик. Как мы показали выше, процесс классификации был нелинейным, своеобразно соединял критические идеи мусульманского реформизма начала XX в. с мировоззренческими основаниями большевистской идеологии.

Примененный в начале 1920-х гг. подход к саморазоблачению «несистемных» явлений – путем вовлечения в процесс самих носителей исламских воззрений, кооптированных в систему властных отношений, – будет воспроизведен в позднем СССР. Равно как и борьба с «религиозными пережитками», принявшая системный характер в хрущевско-брежневскую эпоху, уходит своими корнями в раннебольшевистский период, сохраняя интеллектуальную преемственность с реформистским дискурсом мусульманской элиты позднего имперского и раннесоветского периодов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Варишавер Е.* Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота // Социологическое обозрение. – 2024. – Vol. 23. – № 3. – С. 95. DOI 10.17323/1728-192x-2024-3-94-126.
2. *Brubaker, Loveman, Stamatov.* Ethnicity as Cognition // Theory and Society. – 2004. – Vol. 33. – Issue 1. – P. 48-49.
3. *Макбрайен Дж.* От секуляризма к исламу. Религия в современном Кыргызстане [пер. с англ. М. Минеевой]. – СПб.: Библиороссика, 2023. – 344 с. Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: история советского атеизма / Пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. – М.: НАО, 2021. – 552 с.
4. *Sartori P.* Why Soviet Islam Matters // Geistes-, sozial- und kulturwissenschaftlicher Anzeiger, 157/158. – Jg. 2022/2023. – P. 5-24 <https://doi.org/10.1553/anzeiger157-1s5>; *DeWeese D.* The Soviet Union in Islamic Studies. Some Reflections on Envisioning the USSR as a Religious Space // Muslim Religious Authority in Central Eurasia. Ed. by Ron Sela, Paolo Sartori. Devin DeWees. Brill: Leiden, Boston, 2023. – P. 560.
5. *Шихалиев Ш.* Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900-1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 134-169; *Гусева Ю. Н.* Российский мусульманин в XX веке. – Самара: Офорт, 2013.
6. *Kemper M.* The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923-1933 // Die Welt des Islams. – 2009. – № 49. – P. 1-48; *Kemper M.* Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia // Die Welt des Islams. – 2010. – Vol. 50. – Issue 3/4. – P. 435-476.
7. *Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н., Христофоров В. С.* Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). – М.: ИД «Медина», 2021. – 460 с.
8. Султан-Галиев Мирсаид (1892-1940) – в 1919-1922 гг. являлся членом коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР, председателем Центрального мусульманского комиссариата. Последовательно отстаивал позицию о необходимости объединения «мусульманских масс» в автономное коммунистическое движение, способное освободить «восточные» народы», при этом учитывая специфику их социокультурного развития. В мае 1923 г. был впервые арестован и обвинен в «национал-уклонизме». Впоследствии был повторно осужден (1928) и расстрелян (1940). Реабилитирован.
9. Гисматуллин Абдулла Тухфатулович (1883-1938) – башкир, литератор, педагог, владел европейскими и восточными (арабский, турецкий, татарский) языками. В РКП(б) с 1920 г. В 1919 г. был утвержден членом коллегии отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, являлся членом коллегии Наркомпроса Башкирской Республики. Осенью 1920 г. был назначен политическим комиссаром Института востоковедения в Москве, одновременно являлся руководителем Института живых восточных языков в Петрограде. С 1926 по 1928 г. – народный комиссар просвещения Башкирской АССР. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован (см.: ГА РФ, ф. 1318, оп. 21, д. 380, л. 528. Цит. по: *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917-1923 г.): Документы и материалы. – М.: ИРИ РАН, 2007, с. 164-165).
10. Алиев Умар Джаджуевич (1895-1937) – карачаевец, общественный, политический деятель, лингвист – создатель азбуки карачаево-балкарского языка, преподаватель восточных языков. Знал в совершенстве арабский, персидский и турецкий, а также «тюркские наречия – татарский, сартовский, туркменский и др.». Член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1917 г. являлся председателем Всероссийского мусульманского учительского союза. С 1923 г. – заведующий «отделом горцев» в Наркомнаце. Имел опыт агитационно-пропагандистской работы в Туркестане и на Кавказе. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован (см.: ГА РФ, ф. 1318, оп. 21, д. 374, л. 497. Цит. по: *Красовицкая Т. Ю.* Указ. соч. – С. 103-104).

11. Тюрякулов Назир Тюрякулович (1892-1937) – казах, советский партийный деятель, дипломат, филолог. С 1918 г. член РКП(б). В 1920-1922 гг. – член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, а также Туркестанского бюро ЦК РКП(б). В 1922-1928 гг. – Председатель правления Центрального издательства народов Востока, Член Президиума Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. С 1927 по 1930 г. – полпред, в 1930-1935 гг. – первый Полномочный представитель СССР в Королевстве Хиджаз, Неджд (Королевство Саудовская Аравия). В 1937 г. расстрелян. Реабилитирован.
12. Дивеев Шакир Галеевич (1886-1938) – казах, советский государственный деятель. С 1919 г. член РКП(б). В 1922-1923 гг. – полпред Киргизской АССР при Наркомнаце. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован.
13. Мусаев Мухамед-Алим Ахмеджанович (1894-?) – касимовский татарин, беспартийный. Знал русский, татарский, башкирский, турецкий языки. Беспартийный. С 1918 г. трудился во внешкольном отделе Мусульманского комиссариата Наркомнаца. С 1921 г. – в Коммунистическом университете народов Востока. В марте 1923 г. поступил на должность секретаря Комиссии (см.: ГА РФ, ф. 1318, оп. 21, д. 393, л. 491-494).
14. ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1548, л. 8, 8 об., 11-11 об., 13-13 об.
15. Ишанизм – явление внутри исламской традиции Российской империи-СССР-Российской Федерации нового и новейшего времени. Совокупность специфических социальных и духовных практик религиозных лидеров – ишанов, связанная с отходом от мистической, философско-интеллектуальной суфийской духовной традиции и с приоритетом ритуальных аспектов и социальных взаимоотношений между ишаном и его последователями (т. н. поздний суфизм).
16. Увайсизм (Ваисовство) – специфическое религиозное, общественно-политическое, этническое учение Багаутдина Ваисова (1810 или 1819-1893) и его сыновей – Гайнанутдина (1878-1918) и Газизяна (1887-1963) – о необходимости «очищения» ислама, получившее распространение в Поволжье во второй половине XIX – первой трети XX вв. В первые годы установления Советской власти получало поддержку большевиков, однако уже в 1923-1926 гг. деятельность ваисовцев была запрещена.
17. Слово, образованное от обозначения представителей тюрко-мусульманской элиты, сотрудничавших и/или разделявших позицию журнала «Дин ва Магишат» («Религия и жизнь»). Политический, религиозный и литературный журнал на татарском языке, выходивший с 1906 по 1918 г. в Оренбурге один раз в неделю (555 номеров, тираж 800 экземпляров), являлся печатным органом наиболее консервативной части мусульманского духовенства, был близок клерикально-монархическому политическому спектру.
18. Слово, происходящее от наименования Всероссийского союза мусульман «Сырат аль-мустахим» («Прямой путь»), придерживавшегося ультраконсервативных и даже черносотенных позиций. Союз был создан в Петербурге в 1914 г. будущим последним муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммадом-Сафой Баязитовым (1877-1937).
19. ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1548, л. 13-13 об.
20. Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока, Москва, 1918, 1919 годы / Сост., предисл. и примеч. С. М. Исаков. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 552 с.
21. Там же. – С. 273, 300.
22. Там же. – С. 222, 223.
23. К примеру, в начале 1930-х гг. Н. А. Смирнов увидит в суфизме и ваисовском движении типичные проявления сектантства, которые отличались между собой незначительными специфическими особенностями. Напишет, что развитие «мусульманского сектантства есть результат политического и экономического гнета, форма национально-религиозного протеста против существующего авторитета официального духовенства» (см.: Смирнов Н. А. Современный ислам. – М., Безбожник, 1931. – С. 9, 10).
24. Гусева Ю. Н., Христофоров В. С. Графический метод сбора и анализа данных работы ОГПУ СССР по «восточной контрреволюции» в 1920-е годы // Труды Отделения историко-филологических наук 2019. Российская академия наук; Отделение историко-филологических наук; ответственный редактор академик В. А. Тишков. – М., 2020. – С. 283-292.

25. Гусева Ю. Н. Мусульманская «секта» ваисовцев в документах Восточного отдела ОГПУ начала 1920-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – Самара: ГБУК Самарская областная универсальная научная библиотека, 2015. – № 3. – С. 40.
26. Клибанов А. И. Классовое лицо современного сектантства. – Ленинград: Прибой, 1928. – 56 с.; Климович Л. И. Ислам в царской России. – М.: Гаиз, 1936. – 496 с.; Лукачевский А. Сектантство прежде и теперь. – М.: издание журнала «Безбожник у станка», 1925. – 45 с.
27. Так, в справке 1913 г. сотрудника по мусульманским делам Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Г. Н. Тарановского говорилось о том, что «Секта Ваисова возникла как протест против существующего состояния ислама в России» (см.: РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 508, л. 77).

№ 1. Циркулярное письмо Комиссии по изучению различных религиозных течений среди мусульманского духовенства обкомам и губкомам

Январь 1923 г.¹

Ожесточенная борьба на фронтах с врагами революции в течение трех-четырёх лет отнимала всю энергию и мысль лучших мужей коммунизма и приковывала их внимание к фронтам. В последние годы, после торжества Революции, утихла борьба на фронтах, и уже не осталось в Советской России контрреволюционеров, могущих поднять восстание и вести вооруженную борьбу с Советской властью. Враги Революции притаились и ушли в подполье.

У коммунистов теперь освободились руки от винтовок и пулеметов. Настал нам, коммунистам, момент приняться за соху и молот, чтобы вести борьбу с разрухой в области хозяйства и взяться за перо и школьную реформу, чтобы вести борьбу с разными предрассудками в области идеологии. Борьба с буржуазной идеологией со старыми предрассудками особенно усиленно ведется среди русских масс и перестраивается внутренний мир русского народа.

Эта борьба – борьба в области идеологии среди народов нерусского языка, особенно среди мусульман, ведется или очень слабо или совершенно бессистемно и непланомерно. Этим обстоятельством пользуясь, мусульманское духовенство и кулаки начинают поднимать головы, затемнять сознание народных масс и ввести их, по-прежнему, в заблуждение: их дерзость доходит до того, что они уже принимают вид старых сторонников «шариат-старз»: требуем шариат, ишмиизма², увайсизма (Божий полк), день-магишатчины и сыратул-мустахимщины, которые представляли из себя надежную опору царизма и пособниками Победоносцева-Штирмирского правительства.

Лишне о них распространяться, ибо они слишком известны мусульманскому миру как вредный элемент человечества и славились они как черные вороны.

С нашей точки зрения, не только они, но и другие группы духовенства, именно: сторонники чистого ислама и сторонники демократизации его, также являются опасным элементом в смысле затемнения сознания народных масс и в смысле отравления их буржуазной идеологией. Опять начинается усыпление многострадальных мусульманских масс религиозным гипнозом и старой схоластикой. В такой грозный момент, в момент истощения народы, в момент необходимости быстрого восстановления народного хозяйства, они ставят перед ним такие вопросы, которые кроме ослабления народной энергии в области строительства и восстановления народного хозяйства отрафируют³ сознание народных масс. К таким ретроградным явлениям безучастно относиться,

разумеется, мы, коммунисты, не можем. Необходимо начать энергичную борьбу с такими зловредными явлениями, но борьбу с большой осторожностью и по глубоко продуманному плану. Этого требуют отсталость мусульманского народа и деликатная восточная проблема; если к вышесказанному прибавить еще то обстоятельство, что агенты царизма-миссионеры, стремясь превратить весь мусульманский мир в христианство, оставили у мусульман такие следы и осадки, что всякая борьба с исламом⁴ уподобляется миссионерским затеям, то для нас становится ясно, какая осторожность и осмотрительность нужна в нашей борьбе с клерикализмом, чтобы избежать превратного понимания народными массами нашей работы. В силу этого Наркомнац образовал при себе особую Комиссию по изучению различных общественно-политических, особенно, религиозных течений среди мусульман, как российских, так и заграничных. В работу этой Комиссии Наркомнац привлек ответственных коммунистов тюркского народа, также предпринял шаги связаться с зарубежным Востоком. Разумеется, такая огромная работа не может обойтись без помощи всех коммунистов, особенно восточников, на местах; если центральная Комиссия займется систематизацией и теоретической разработкой добытых материалов и установлением методов борьбы, то работники на местах должны будут собирать материалы с установлением причин, вызывающих того или иного оттенка реакционно-клерикальные движения и вести с таковыми борьбу по методу, разработанному Центральной Комиссией при Наркомнаце; само собою, разумеется, все работы Центральной Комиссии будут происходить по директивам ЦК РКП.

На помощь Центральной Комиссии необходимо при Обкомах и Губкомах организовать аналогичные комиссии из испытанных коммунистов-восточников. Эти Комиссии периодически будут присылать в Центральную Комиссию материалы по данному вопросу и согласовать свои работы с ней.

Центральная Комиссия этим обращением к обкомам и губкомам ставит их в известность об образовании таковой Комиссии при Наркомнаце по изучению различных общественно-политических и религиозных течений среди мусульман и просит Обкомы и Губкомы сообщить ей о коммунистах-восточниках, могущих вести такие работы, а также сообщить, что предпринято на местах по борьбе с клерикализмом вообще, среди мусульман, в частности.

В ближайшее время будут посланы детально разработанные и согласованные с Агитпропом ЦК РКП по этим вопросам инструкции.

С коммунистическим приветом.

ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1545, л. 11-12.

№ 2. План работы Комиссии по изучению религиозных течений среди мусульманского духовенства

Не ранее декабря 1922 г.

I.

A

Изучение материалов в России дореволюционного периода.

- а) Архивы департамента иностранных исповеданий;
- б) Архивы департамента полиции: в Петрограде, Казани, Уфе, Москве, Тифлисе, Симферополе, Ташкенте, Оренбурге и Баку;

в) Архивы миссионерских учреждений: в Казани, Баку, Петрограде, Москве, Уфе, Тифлисе, Оренбурге, Киеве, Симферополе, Ташкенте;

г) Архивы бывших цензурных комитетов: в Казани, Баку, Петрограде, Москве, Уфе, Оренбурге и Симферополе;

д) Архивы духовного Правления мусульман внутренней России и Сибири: Уфа;

е) Архивы духовного правления на Кавказе: Муфтият и Шейхул-исламат (Тифлис);

и) Архивы Казията (Ташкент);

к) Архивы Мусульманской фракции при Государственной Думе.

Б

Материалы революционного периода:

а) ЦКРКП,

б) ГПУ и Наркомвнутдел,

в) Коминтерн,

г) Наркоминдел,

д) Наркомпрос,

е) Наркомюст.

II.

Зарубежный Восток

Турция, Египет, Марокко, Тунис, Алжир, Судан, Персия, Афганистан, Белуджистан, Индия, Китайский Туркестан, Хива, Бухара, Ява и Соединенные Штаты.

III.

А.

Руководство движением

а) Необходимо установить связь с партийными общественно-политическими, культурно-просветительскими, религиозными и научными организациями как в РСФСР (СССР), так и за границей.

б) Выписывать газеты, журналы, а также приобрести книги, брошюры, доклады, отчеты и т.п., изданные по этим вопросам, как в СССР, так и за границей.

в) Командировка сведущих по этим вопросам товарищей-коммунистов в мусульманские края.

г) Устраивать конференции как по религиозным, так и по культурно-просветительным, историко-научным вопросам.

Б.

Агитация

а) Выработка методов борьбы с религией;

б) Издание сборников, брошюр и научных книг;

в) Чтение лекций, устраивание диспутов;

г) Посылка агитаторов, подготовленных по этим вопросам безукоризненно среди масс⁵.

В.

Выработка методов антирелигиозной агитации среди мусульман.

ГА РФ, ф. 1318, оп. 1, д. 1545, л. 7-7 об.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В документе отсутствует информация о дате написания письма, атрибутировано на основании анализа косвенных признаков.

2. Так в документе.
3. Так в документе.
4. Вписано вместо слова «исламом».
5. Пункт вычеркнут.

Список литературы

Брубакер Р., Ловеман М., Стаматов П. Этничность как познание // Теория и общество, 2004, том 33, выпуск 1, с. 31-64.

ДеВиз Д. Советский Союз в исламских исследованиях. Некоторые размышления о представлении СССР как религиозного пространства // Мусульманские религиозные лидеры в Центральной Азии. Под ред. Рона Села, Паоло Сартори, Девин ДеВис. Brill: Лейден, Бостон, 2023, стр. 560.

Варшавер Е. Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота // Социологическое обозрение. – 2024. – Vol. 23. – № 3. – С. 95. DOI 10.17323/1728-192х-2024-3-94-126.

Гусева Ю. Н. Мусульманская «секта» вайсовцев в документах Восточного отдела ОГПУ начала 1920-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – Самара: ГБУК Самарская областная универсальная научная библиотека, 2015. – № 3. – С. 40.

Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке. – Самара: Офорт, 2013. – 415 с.

Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н., Христофоров В. С. Пытаясь понять и вообразить ислам... (образ ислама в сознании российских элит 1880-х – 1920-х гг.). – М.: ИД «Медина», 2021. – 460 с.

Гусева Ю. Н., Христофоров В. С. Графический метод сбора и анализа данных работы ОГПУ СССР по «восточной контрреволюции» в 1920-е годы // Труды Отделения историко-филологических наук 2019. Российская академия наук; Отделение историко-филологических наук; ответственный редактор академик В. А. Тишков. – М., 2020. – С. 283-292.

Макбрайен Дж. От секуляризма к исламу. Религия в современном Кыргызстане [пер. с англ. М. Минеевой]. – СПб.: Библиороссика, 2023. – 344 с.

Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: история советского атеизма / Пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. – М.: НАО, 2021. – 552 с.

Шихалиев Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900-1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 134-169.

References

Brubaker R., Loveman M., Stamatov P. *Etnichnost' kak poznanie* [Ethnicity as Cognition]. IN: *Teoriya i obshchestvo* [Theory and Society], 2004, vol. 33, issue 1, pp. 31-64.

DeWeese D. *Sovetskij Soyuz v islamskih issledovaniyah. Nekotorye razmyshleniya o predstavlenii SSSR kak religioznogo prostranstva* [The Soviet Union in Islamic Studies. Some Reflections on Envisioning the USSR as a Religious Space]. IN: *Musul'manskije religioznye lidery v Central'noj Azii. Pod red. Rona Sela, Paolo Sartori, Devin DeVis* [Muslim Religious Authority in Central Eurasia. Ed. by Ron Sela, Paolo Sartori. Devin DeWees]. Brill: Leiden, Boston, 2023, str. 560.

Guseva Yu. N. *Rossiiskij musul'manin v XX veke* [Russian Muslim in the twentieth century]. Samara: Ofort publ., 2013.

Guseva Yu. N., Senyutkina O. N., Khristoforov V. S. *Pytayas' ponyat' i voobrazit' islam... (obraz islama v soznanii rossijskikh elit 1880-h – 1920-h gg.)* [Trying to Understand and Imagine Islam... (The Image of Islam in the Consciousness of Russian Elites in the 1880s-1920s)]. Moscow: ID "Medina" publ., 2021, 460 p.

Guseva Yu. N. *Musul'manskaya "sekta" vaisovcev v dokumentah Vostochnogo otdela OGPU nachala 1920-h gg.* [The Muslim "sect" of the Vaisovtsy in the documents of the Eastern Department of the

OGPU in the early 1920s.]. IN: *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyucii*. Samara: GBUK Samarskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka publ., 2015, no. 3, pp. 36-46.

Guseva Yu. N., Khristoforov V. S. *Graficheskij metod sbora i analiza dannyh raboty OGPU SSSR po "vostochnoj kontrrevolyucii" v 1920-e gody* [Graphical method of collecting and analyzing data of the USSR OGPU work on "Eastern counterrevolution" in the 1920s.]. IN: *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk 2019. Rossijskaya akademiya nauk; Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk; otvetstvennyj redaktor akademik V. A. Tishkov*. Moscow, 2020, pp. 283-292.

Kemper M. Red Orientalism: Mikhail Pavlovich and Marxist Oriental Studies in Early Soviet Russia. IN: *Die Welt des Islams*, 2010, vol. 50, issue 3/4, pp. 435-476.

Kemper M. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923-1933. IN: *Die Welt des Islams*, 2009, no. 49, p. 1-48.

Makbrajen Dzh. *Ot sekulyarizma k islamu. Religiya v sovremennom Kyrgyzstane. Per. s angl. M. Mineevoy* [From Secularism to Islam. Religion in Modern Kyrgyzstan]. St. Petersburg: Biblioros-sika publ., 2023, 344 p.

Sartori P. Why Soviet Islam Matters. IN: *Geistes-, sozial- und kulturwissenschaft licher Anzeiger*, 157/158. Jg. 2022/2023, p. 5-24. <https://doi.org/10.1553/anzeiger157-1s5>.

Shikhaliev Sh. *Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900-1930 gg.)* [Muslim Reformism in Dagestan (1900-1930)]. IN: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 2017, no. 3, pp. 134-169.

Smolkin V. "Svyato mesto pusto ne byvaet": istoriya sovetskogo ateizma. *Per. s angl. O. B. Leont'evoy, nauch. red. M. Yu. Smirnov. Per. s angl. O. B. Leont'evoy, nauch. red. M. Yu. Smirnov* ["Holy place is not empty": the history of Soviet atheism]. Moscow: NLO publ., 2021, 552 p.

Varshaver E. *Chto imenno issleduyetsya, kogda issleduyetsya etnichnost'? Deskriptivnaya model' dlya konstruktivistskikh issledovanij etnichnosti v kontekste kognitivnogo povorota* [What exactly is investigated when ethnicity is explored? A descriptive model for constructivist studies of ethnicity in the context of the cognitive turn]. IN: *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 23, no. 3, pp. 94-126. DOI 10.17323/1728-192x-2024-3-94-126.

Сведения об авторах

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: jguseva@mail.ru

Османова Ирина Андреевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела «Религии Востока» ФГБУК «Государственный музей истории религии», e-mail: kalam@bk.ru

About the authors

Yuliya N. Guseva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University, e-mail: jguseva@mail.ru

Irina A. Osmanova, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Department of Oriental Religions, State Museum of the History of Religion, e-mail: kalam@bk.ru

В редакцию статья поступила 10.03.2026, опубликована:

Гусева Ю. Н., Османова И. А. Конструирова «советский ислам»: неизвестные материалы о деятельности Комиссии по изучению мусульманских течений среди мусульманского духовенства Наркомнаца РСФСР 1922-1923 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 3. – С. 14-26.

Submitted on 10.03.2026, published:

Guseva Yu. N., Osmanova I. A. *Konstruiruya "sovetskij islam": neizvestnye materialy o deyatel'nosti Komissii po izucheniyu musul'manskikh techenij sredi musul'manskogo duhovenstva Narkomnaca RSFSR 1922-1923 gg.* [Constructing "Soviet Islam": materials on the activities of the Commission for the Study of Muslim Currents among Muslim Clergy of the People's Commissariat of the RSFSR, 1922-1923]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 3, pp. 14-26.